

ЮНОСТЬ

5

1977

Эрнст ГЕНРИ

ПО СЛЕДАМ УДИВИТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Многие в наши дни — рецензент в том числе — любят читать детективные романы. Есть книги совершенно иного типа и содержания, которые тем не менее, если они удачны, по структуре сюжета тоже держат читателя в состоянии напряженности. Это произведения в так называемом жанре литературного поиска.

В ряду таких книг, вышедших в последние годы, — работы А. Дунаевского о четырех выдающихся людях — иностранных революционерах, живших на советской территории и присоединившихся к большевикам еще в дни Октября или даже раньше. Речь идет о швейцарце Фрице Платтене, чехе Ярославе Гашеке, французке Жанне Лябурб и венгре Карое Лигети. Огни их жизни не погаснут в нашей истории. О том, как они жили у нас, надо знать.

Пересказывать их биографии здесь нет нужды. Попытаться обогнать автора в его теме рецензент не может и не хочет. Но сказать о том, как работает автор, стоит: не исключено, что это может в чем-то помочь начинающим литераторам. Дунаевский занимается не обычным биографическим повествованием с готовым материалом, а розысками материала — те-

ми розысками, которые действительно как бы делают писателя детективом в хорошем смысле этого слова.

Он идет по запутанным следам, иногда почти вслепую, ищет концы оборванных ниточек и соединяет их, ловит кем-то где-то оброненные слова, сверяет все с эпохой и документами, перепроверяет и, наконец, — почти всегда — находит неразведенное, то, что могло затеряться навсегда. Автор ищет, и читатель ищет вместе с ним. Это увлекательно и вместе с тем нужно для истории.

Дунаевский занимается этим делом уже 20 лет. Он неутомим. Разыскивая следы удивительных людей, иностранцев из ленинской гвардии, он не сидит на месте, не ограничивается центральными архивами, а беспрестанно разъезжает из города в город, встречаясь с людьми, когда-то где-то знавшими кого-то, кто, может быть, сумеет навести на след. Автор, таким образом, больше половины своей жизни уже провел в пути.

Я завидую такому разыскательному рвению Дунаевского. Работа эта нелегкая. Ниточки, вившиеся в дни революции и гражданской войны, так легко обрывались и перемешивались, что теперь часто никак не сходятся. Где-то разрыв, и все надо начинать сначала. Требуются не только терпение, но и

догадливость, точное знание революционной истории, способность не все брать на веру и, мне кажется, еще интуиция.

Люди, о которых пишет Дунаевский, как будто совершенно разные — и по национальности, и по характеру, и по социальному происхождению и профессии. Гашек — писатель, Платтен — рабочий, Жанна Лябурб — учительница, Лигети — журналист. И все-таки сколько в них общего — самого главного!

Это были первые зарубежные коммунисты — интернационалисты на советской территории. Каждый добровольно выбрал для себя жизнь, освещенную пламенем, полную опасностей. Каждому на родине грозили суд, тюрьма, быть может, смерть. Ни одного из них к их выбору никто не понуждал. Если бы они хотели, они могли бы завтра же уехать из голодной, бурлящей, окровавленной России назад, на сытый Запад.

Никто из них этого не сделал. Социалистическая революция в России была им дороже личного благополучия и обеспеченности, иначе они сочли бы себя беспринципными людьми и трусами. Что бы ни случилось с ними потом, пока они жили, они были счастливы, потому что ум, совесть, огонь в их крови — все сливалось в одно, а не противоречило одно другому, как это нередко бывает у других людей.

Нельзя забывать, что в 1917—1920 годах число искренних иностранных друзей партии большевиков не было так велико. Коммунистические партии за рубежом только еще возникали, в ряде стран их вообще еще не было. Те, о ком пишет Дунаевский, были, таким образом, в числе пионеров пролетарского интернационализма. Из людей такого склада и был в 1919 году построен Коммунистический Интернационал. Сегодня подобных людей много. Но тогда каждый ценился особенно высоко.

...Вот у Дунаевского фигура Фрица Платтена, человека, который в апреле 1917 года помог Ленину вернуться из Швейцарии в Россию, а восемь месяцев спустя своим телом защитил его от пули белогвардейца-террориста. Уже одним этим он, сын швейцарского столяра-краснодеревщика, вписал себя в историю.

Дунаевский следит за ним, начиная с того дня в сентябре 1915 года, когда в горной деревушке

Циммервальд Платтен впервые встречается с Лениным. В книге рассказывается, как Платтен держал вахту в закрытом вагоне, в котором Ленин с другими русскими революционными эмигрантами пересекал воюющую кайзеровскую Германию на пути в Петроград. Автор продолжает идти по следам Платтена, когда два года спустя, пробиваясь через пограничные кордоны и полицейские заставы, швейцарец совершает нелегальную поездку в Москву и садится возле Ленина за стол президиума Первого конгресса Коминтерна.

Страничка за страничкой из того же как будто приключенческого рассказа: как Платтен по дороге домой попадает в финскую, затем румынскую, затем петлюровскую, затем белолитовскую, затем немецкую, затем швейцарскую тюрьмы. Еще три года спустя Платтен навсегда приезжает в Советский Союз: теперь он глава коммуны швейцарских рабочих в Сызранском уезде. Дунаевский как автор с ним почти до конца. Одна операция по розыску завершена. Предпринимается другая.

...Жанна Лябурб. Это совсем другая фигура: маленькая, хрупкая, миловидная француженка, как бы зажженная изнутри неутолимимым огнем. Дунаевский то и дело сравнивает ее с другой Жанной — народной героиней Франции, крестьянской Жанной д'Арк, в XV веке, согласно легендам, спасшей свою страну от врагов.

Действительно, в этих двух женщинах, разделенных пятью веками, есть одно общее: беззаветное, ни перед чем не останавливающееся вдохновение. Жанна Лябурб не поэтесса, она учительница и революционерка-подпольщица, но ее жизнь в самом деле похожа на балладу. Дунаевский пишет о ней не только пером литератора-документалиста, но и с нежностью. Жанна навсегда остается красивой.

...Что можно еще добавить к литературе о таком всемирно известном сатирике, как Ярослав Гашек? Оказывается, есть что. Автор и тут шаг за шагом проследивает его жизнь в России в 1915—1920 годах — с того момента, как на фронте он, австрийский ефрейтор, попадает в плен, до тех дней, когда возвращается в Прагу, где напишет своего Швейка.

Кажется, ни один из героев Дунаевского не доставил ему столько хлопот и не перебрасывал в

поисках нужных фактов так часто и так быстро с места на место, как Гашек. Но дело стоило этого. Книга подтверждает, что Гашек был не только одним из крупнейших и своеобразнейших писателей нашего века, но и настоящим революционером-интернационалистом. «Ваше место на фронте, где грозит опасность свободе всех народов, ваше место в России!» — призывал он людей за рубежом Советской республики в годы гражданской войны. Это и есть язык интернационалиста.

Жаль одного, но это уже не вина Дунаевского, — Гашек не успел дописать своего Швейка, показав его после пленения на русской территории в советское время. Как бы тогда реагировал на то и на тех, что вокруг него, мудрейший «идиот»? Например, если бы Швейк столкнулся с русскими белогвардейцами-колчаковцами?

...Карой Лигети. Поэт из Будапешта, журналист из социал-демократической газеты, сын кузнеца. Из тех же, что и Гашек, австро-венгерских военнопленных, перешедших на сторону Советской власти и ставших боевыми коммунистами. После пленения отказывается от офицерских привилегий. Еще в апреле 1917 года сотрудничает с большевиками, после Октября — член Омского Совета и руководитель объединенного революционного комитета венгерских, чешских, немецких и словацких военнопленных, из которых формирует отряды бойцов за Советскую власть.

В те дни он пишет другу в Будапешт: «...Теперь здесь весна, но повсюду еще лежит снег. Не белый, а красный, как кровь... Я вижу здесь новую историю России, слышу ее первые гигантские шаги». Он умел предвидеть и тоже понимал, что такое интернационализм.

Год спустя на берегах Иртыша его схватили белогвардейские каратели-офицеры. Гибнет он в омском застенке Колчака. Когда это произошло, ему не было тридцати лет. И все-таки это жизнь, которую, как и короткую жизнь Жанны Лябурб, стоило прожить: так много чудесных, захватывающих дней в ней было; иной день богаче целого года...

Аккуратность и старательность автора при его розысках могут подтвердить из личного опыта. Я был свидетелем одного из описанных в его книге о Платтене небольших эпизодов, связанных с

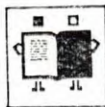
арестом швейцарского коммуниста в 1920 году в Каунасе, столице тогдашней буржуазной Литвы. Дунаевский рассказывает, как подпольный комитет коммунистической партии в Каунасе переправил жене Платтена Л. Розовской, сопровождавшей его, но оставшейся на свободе, пакет с листовкой по поводу ареста ее мужа. Упоминаемый Дунаевским «подросток, свободно говоривший по-немецки» и передавший пакет Розовской, и был я, в то время международный курьер Коммунистического Интернационала Молодежи, находившийся в Каунасе проездом из Берлина в Москву.

Помню какую-то гостиницу, где происходила встреча, смутно помню ту женщину и помню, как, возвращаясь к себе, я всячески старался замести следы, чтобы уйти от шпижов. Вероятно, мне помогло то, что я выглядел не юношей, а настоящим мальчишкой, из тех, кто бегают по дворам. По тем временам это было важным преимуществом.

Все эти книги Дунаевского читаются с живым интересом. Рассказывая о Платтене, Лябурб и других, автор ни в чем не придумывает героические образы. Эти люди были и такими. Революция была не только их профессией, но и страстью. Такие люди жили всегда. Лябурб похожа на Луизу Миссель и чем-то еще — на Софию Перовскую. Платтен своим характером напоминает Карла Либкнехта. Все они вышли из школы Ленина.

Писать о больших революционерах как будто просто, разыскивать же неизвестное в их биографиях — дело трудное. У каждого из них что-то свое, неповторимое. Распутывать клубки событий в жизни больших и хороших людей большей частью гораздо труднее, чем обнаруживать дела плохих и ничтожных; у больших все движется намного динамичнее, разнообразнее и сложнее. Чтобы делать такую работу как надо, нужно иметь что-то от историка, что-то от психолога и что-то — это особенно важно — от следопыта. У писателя Дунаевского эти свойства есть.

В НОМЕРЕ

ПРОЗА

Галина МАРКОВА. Девчонки на войне.	
Документальная повесть	5
Фазиль ИСКАНДЕР. Из рассказов о Чике	31
Дмитрий ХОЛЕНДРО. Лопух из Нижней слободки.	
Повесть. Окончание.	41

ПОЭЗИЯ

Владимир КОСТРОВ	2
Ной РУДОЙ	3
Евгений ВИНУКОВ	30
Людмила ПРОЗОРОВА	40
Агния БАРТО. Переводы с детского	52
Владимир РЕЦЕПТЕР	66
Ростислав СВЯТОГОР	67

ПИСЬМО МЕСЯЦА

Марина К. Найти свою любовь...	51
--	----

КРИТИКА

Эрнст ГЕНРИ. По следам удивительных людей	60
Адольф УРБАН. Витражи и монологи Андрея Вознесенского	62
Бор. ЕФИМОВ. Веселый талант	64
Анна ДЕХТЯРЬ. Цвета детства	111

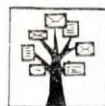
ПУБЛИЦИСТИКА

Юрий КОЗЛОВ. Инженерный замок	68
Евгений БОГАТ. Удар молнии	73
Евгений ФЕДОРОВ. Как мы жили на Северном полюсе	89
Алексей ФРОЛОВ. «Айсберг» — наш друг-корабль	95

НАУКА И ТЕХНИКА

Игорь РУВИНСКИЙ. «Пускачи»	97
--------------------------------------	----

ЗАМЕТКИ И КОРРЕСПОНДЕНЦИИ

Восьмого мая в Дрездене...	102
Борис ФИЛИППОВ. Этот необычный дуэт	103

СПОРТ

Валентин СКОРЯТИН. Чемпионка, дочь чемпиона	104
---	-----

ЗЕЛЕНый ПОРТФЕЛЬ

Андрей КУЧАЕВ. Два случая	108
Егор РАДОВ. «Эрудиты»	110

Главный редактор
Б. Н. ПОЛЕВОЙ

Редакционная коллегия:

А. Г. АЛЕКСИН,
В. И. АМЛИНСКИЙ,
Б. Л. ВАСИЛЬЕВ,
В. Н. ГОРЯЕВ,
А. Д. ДЕМЕНТЬЕВ
(зам. главного редактора),
Л. А. ЖЕЛЕЗНОВ
(отв. секретарь),
К. Ш. КУЛИЕВ,
Г. А. МЕДЫНСКИЙ,
В. Ф. ОГНЕВ,
С. Н. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ,
М. П. ПРИЛЕЖАЕВА
А. С. ПЬЯНОВ,
В. А. ТИТОВ

Художественный редактор
Ю. А. Цишевский

Технический редактор
Л. К. Зябкина

На 1—4-й стр. обложки
рисунок А. ЛОЗЕНКО.

Адрес редакции:
101524, ГСП, Москва, К-6,
улица Горького, № 32/1.
Телефон редакции 251-32-83.
Рукописи
не возвращаются.

Сдано в набор 28/II—1977 г.
А 06674.
Подп. к печ. 14/IV—1977 г.
Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 12.18.
Учтно-изд. л. 17.62.
Тираж 2 650 000 экз.
Изд. № 1014. Заказ № 262.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской
Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина,
125863, Москва, А-47, ГСП,
ул. «Правды», 24.

Цена 50 коп.

Индекс
71120

Сканирование - ?????????
DjVu-кодирование - Беспалов

